

СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Овсянникова Н.В.

Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается культурный потенциал старшего поколения и его место в традиционном обществе; анализируется роль стариков в традиционных крестьянских семьях у русских, мордвы и чувашей; показывается значение «третьего возраста» в функционировании механизма сохранения и передачи социокультурных традиций.

Ключевые слова: *возраст; старость; Среднее Поволжье; традиционная культура; ритуальную власть; формы взаимодействия; этикет; регуляторы взаимоотношений между поколениями; семья.*

THE OLDER GENERATION IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE MIDDLE VOLGA REGION

Ovsyannikova N.V.

Volga Region State University of Service, Togliatti, Russian Federation

The article examines the cultural potential of the older generation and its place in traditional society; it analyzes the role of elders in traditional peasant families in the traditional peasant family of Russian, Mordovians and Chuvash; it shows the importance of the “third age” in the functioning of the mechanism of preservation and transmission of social and cultural traditions.

Keywords: *age; aging; middle Volga region; traditional culture; ritual power; forms of interaction; etiquette; regulators intergenerational relationships; family.*

Проблема воздействия культуры на становление личности, степени и механизмах этого воздействия пока является предметом спора в культурологической науке. В целом предметное поле остается достаточно широким: от представления о природе человека как культурно-детерминированной личности до утверждения о ее культурно-релятивном качестве. Однако общепризнанным является наличие культурных паттернов и культурных сценариев, которые регулируют наличие специфических возрастных норм, касающихся восприятия отдельных возрастных групп обществом в целом.

Каждая национальная культура предлагает разнообразные эталоны «нормального» биологического и социального развития личности. Под воздействием общественных перемен эти эталоны могут радикально меняться. Однако возраст всегда остается важной характеристикой не только для понимания индивидуального поведения, но и функционирования и развития общества в целом, что делает исследование феномена старости актуальным, особенно, в периоды демографического перехода.

Старость имеет свои образы в национальных культурах прошлого, что представляет ценность не только для их сравнительного анализа, но и в аспекте концептуального осмысления этого социокультурного феномена. Такой подход позволяет соединить, казалось бы, несводимые к единому целому: научные, естественно-биологические, социально-экономические, политико-правовые и культурные проблемы старения, обозначить логические связи между ее различными аспектами.

Возраст оказывается одной из основных характеристик, на которые ориентируются люди в процессе социокультурного взаимодействия. Приписывание определенных возрастных свойств и ценностного значения в процессе сохранения и передачи культурного опыта всегда содержит элемент бессознательной проекции. Такая проекция является одновременно индивидуальной, возрастно-групповой и социально-исторической, поскольку она складывается из личного опыта человека, тех установок, которые

приняты у людей его возрастной группы, а также норм и стереотипов, существующих в данной социальной среде и исторических условиях.

Особенности осмысления феномена старости состоят в том, что между реальными свойствами индивидов и их образами в культуре существует обратная связь. Культурные стереотипы отражают свойства эмпирических индивидов и одновременно служат им ценностными ориентациями, образцами, которым люди стараются подражать или, напротив, их избегать [5, с. 15]. Возрастные стереотипы обладают характеристиками многозначности, они противоречивы и амбивалентны. Потенциал возраста в системе культуры проявляется через его качество, специфику того содержания, которое несут в себе различные возрастные этапы. Во всех культурах обозначается особая роль старости, сохраняющей и передающей молодым поколениям свою мудрость и опыт.

Общественные представления о старости одновременно описывают обобщенные признаки пожилых людей и предписывают нормы и образцы их поведения и жизнедеятельности в обществе. В свою очередь, любая возрастная норма предполагает наличие негативной и позитивной оценки физиологических, психологических, социальных и других особенностей каждого возрастного периода, существование положительных и отрицательных стереотипов восприятия обобщенного старика, взрослого или подростка. Только некоторые возрастные представления выносятся и закрепляются во внешнем публичном пространстве и приобретают нормативно-оценочный характер. То, что не вписывается в декларируемую схему, остается завуалированным, умалчивается умышленно или бессознательно.

Символизация возрастных процессов и наличие системы возрастных обрядов – не что иное, как отражение и легитимация возрастных изменений и социально-возрастных процессов. Наивысшей степени ритуализации и символизации возраст достигает в традиционных обществах, что объясняется низкой степенью их динамики, ориентацией на простое воспроизводство [2, с. 65].

Общественные представления о значении старости в традиционной культуре народов Среднего Поволжья отражались в традициях отношения к пожилым людям. Эти представления включали в себя своеобразную меру их участия в сохранении и защите ценностей традиционной семьи, место старшего поколения в функционировании обрядовой жизни, а также роль части пожилых людей в передаче знаний народной медицины и в сохранении здоровья семьи и общины.

Семья, сама по себе, является главным хранителем и транслятором традиций, ценностей, норм, моральных и нравственных установок традиционной культуры. Анализ современных исследований позволяет констатировать, что прочность семейного уклада зависит от степени сплоченности и распределения обязанностей внутри традиционной семьи. Традиционная культура стала надежным регулятором взаимоотношений между поколениями, снимая существовавшую в них напряженность. Она включала в себя экономические, социальные, идеологические и социально-психологические регуляторы.

К экономическому регулированию взаимоотношений относилось преимущественное владение старшими средствами производства, землей, скотом и т.д. Поэтому социальный рост молодежи зависел от старших, которые обеспечивали ее необходимыми материальными ресурсами. Это заставляло молодежь подчиняться старшим, ожидая «своего часа».

К социальным межпоколенным регуляторам можно отнести взаимные обязательства между старшими и младшими, которые также служили фактором, нейтрализующим конфликт. Молодежь осознавала, что для удовлетворения своих интересов более выгодно укреплять социальные связи, прежде всего, с влиятельными старшими.

К идеологическим аспектам традиционной культуры, регулировавшей взаимоотношения между поколениями, относятся господствовавшие представления, связанные с культом предков. В соответствии с ними старшие обладали мистической властью, ис-

пользуя которую они могли определить судьбу младших родственников.

Подчеркнем, что идеология в традиционных обществах во многом совпадала с социальной психологией. В частности, запреты, которые четко разграничивали поведение старших и младших, с одной стороны, соответствующим образом формировали психику подвластных (младших), с другой же – отражались в сознании людей в рамках представлений культа предков, обеспечивая старшим высокий авторитет в общественной жизни.

Идеологическая легитимизация неравенства между старшими и младшими была зафиксирована в фольклоре, мифах, исторических преданиях и анекдотах. Их создателями, видимо, были сами старшие, которые таким образом постоянно внушали уважение к себе.

К идейно-психологическим факторам, служившим нейтрализации напряженности между поколениями, которая возникала в связи с неравномерным распределением общественных ресурсов между ними, можно отнести осознание младшими неизбежности старения, а значит, обретения ими в будущем высокого социально-возрастного статуса. Они могли предвидеть, что дурное обращение со стариками сулит им самим мрачные перспективы в старости. Это, несомненно, служило важным стимулом в гармонизации отношений между возрастными стратами.

Коллективная деятельность в рамках рода, семьи, общины надолго стала основным способом приспособления к русской природе и действительности. Именно поэтому в русской культуре утвердился духовный идеал коллектива, рода, общины, семьи как высшей ценности [7, с. 6]. Неуважительное и непочтительное отношение к родителям считалось аморальными и сурово осуждалось, а факт отказа давать содержание своим престарелым родителям мог навлечь всеобщее презрение.

Дедушки и бабушки играли значительную роль в хозяйственной и духовной жизни семьи. Следует отметить, что роль и значение старшего поколения в традиционной культуре прослеживается

наиболее четко именно при исследовании крестьянской бытовой культуры.

Долгое время роль стариков в сохранении и защите ценностей традиционной семьи была первостепенной. Этикет общения между старшими и детьми, например, у русских, чувашских и мордовских крестьян предполагал строгое соблюдение обычая почитать стариков и аккумулировался в сознании детей с раннего детства.

С рождением ребенка в традиционной семье к его воспитанию подключался сложный механизм рода. Общение детей с бабушками и дедушками носило, во многом, духовно-психологическую нагрузку. В процессе межпоколенного диалога старшие члены семьи прививали детям любовь к народному творчеству, фольклору рассказывали поучительные истории, просто делились жизненным опытом и давали советы. Они, несомненно, вспоминали своих родителей, бабушек, дедушек, что сохраняло ощущение их присутствия в семье. Таким образом, в общении могли участвовать сразу несколько поколений, вплоть до родоначальников конкретной семьи [3, с. 21].

Каждодневное сотрудничество между родственниками в семье было наполнено разнообразными формами взаимодействия и создавало глубокие духовные взаимосвязи, объединявшие всех представителей рода. В традиционной мордовской культуре образы отца и матери имели основополагающее значение, нередко переходившее в культ. Большое значение имела также родственная солидарность. Если у кого-нибудь из престарелых людей не было своих детей, то они находили приют у родственников и жили на полном их иждивении как члены семьи. Широкое распространение имел обычай брать к себе престарелых одиноких людей, состоящих в очень дальних родственных связях.

Заполненность трудом являлась главной чертой традиционной повседневности и домашнего семейного быта крестьянства. В тяжелых условиях жизни крестьянства строгая регламентация прав и обязанностей каждого члена семьи и всего бытового уклада была

просто необходима для успешного функционирования семьи, в особенности, если это была расширенная, большая семья. Во главе семьи у большинства народов Поволжья стоял самый старший мужчина. Самая старшая женщина в семье играла, обычно, ведущую роль в отношениях с внуками, принимала самое активное участие в их воспитании.

К выполнению семейных обязанностей в крестьянских семьях готовили с раннего детства. Пример и авторитет родителей, а также старших членов семьи, в значительной степени влиял на качество подготовки к семейной жизни, усвоение социальных ролей. Детей, независимо от пола, приучали выполнять работы по самообслуживанию, а также прививали навыки осуществления мужских, женских и общих работ (в зависимости от половой принадлежности). На качество подготовки к взрослой жизни оказывала влияние община, в частности общественное мнение благоволило тем юношам и девушкам, которые были лучше всего подготовлены к труду. При этом на репутацию отдельного человека обязательно влияла и репутация семьи, из которой он вышел [1, с. 14].

В любой семье существовал разумный порядок жизни с определенными правилами и привычками, которые были обыденными, простыми, а, следовательно, легко усваивались и выполнялись. Большое значение придавалось трудовому ритму, режиму питания в будни и праздники, а также повседневному досугу. Распорядок дня, как в больших, так и в малых семьях был тесно связан с календарным распределением сельскохозяйственных работ, который определял характер занятий и загрузку каждого члена семьи. Такой ритм подтверждал цельность семьи, являлся своего рода символом «семейственности» и единства, важнейшим средством укрепления внутрисемейных отношений.

Внутрисемейные межпоколенные отношения играли важную роль в воспроизводстве традиционной культуры и духовной жизни, в обеспечении преемственности поколений. Постоянно действующие многообразные связи, тесное сотрудничество взрослых и детей в труде, быту и празднично-бытовой сфере характеризуют

традиционную семью как уникальное культурное явление. В больших крестьянских семьях складывалась особенно благоприятная обстановка для успешного выполнения воспитательной функции. В таких семьях всегда был пример для подражания в лице старших членов семьи, и всегда находилась благодарная аудитория для наставлений, были наставники и подопечные. В процессе активного взаимовоспитания детей у каждого ребенка естественным образом воспитывались чувства коллективизма, солидарности и уважения к другим членам семьи, общины.

Доминантой мышления для преклонного возраста, как правило, является «забота о душе». Старики чаще других уделяют внимание проблеме соотношения физической и духовной смерти. В результате они начинают проявлять большую, чем молодежь религиозность: начинают поститься, посещать церковь и т.д. Поэтому в традиционном обществе пожилые люди старались концентрировать в своих руках прежде всего ритуальную власть, даже в случае почти полной физической деградации.

Место и роль пожилых людей в традиционных обрядах и в обрядовой жизни общины определялось их лиминальным, пороговым статусом. По русскому обычаю, в новый дом первыми входили старики, так как считалось, что тот, кто первым войдет в новый дом, первым и умрет, а в бане они мылись в последнюю очередь, потому что «последний пар» считался наиболее опасным из-за встречи с нечистой силой, обитавшей, по поверьям, в бане [4, с. 635].

Обряды связывали членов конкретной семьи, общины и обеспечивали их устойчивость. С помощью традиционных обрядов наши предки получали и хранили всю информацию о мире, животных и растениях, о жизни людей. Можно говорить о том, что все народы региона имели нечто общее, но, в зависимости от естественно-географических, природно-климатических, исторических условий, обряды и традиции выступали у них как культурно-этническое явление, приобретали специфические черты, выполняя функцию духовной основы конкретного этноса.

Следование традиционным обычаям, соблюдение конкретных ритуалов позволяло народам Среднего Поволжья интегрироваться в определенную общность в борьбе с внешними и внутренними врагами, в хозяйственной и бытовой жизнедеятельности. Тем самым традиции выполняли функции адаптивного механизма в решении многих проблем жизнедеятельности конкретной общности, упорядочивали ее существование и ориентировали членов общины на важные для выживания сообщества устойчивые свойства среды.

Пожилые руководили обрядовыми действиями и молениями от имени семьи, рода и всей деревни. Оставаясь наиболее консервативной частью народа и владея системой культурных кодов (секретов), старики являлись центром традиционной культуры народа. В общесельских и межсельских мероприятиях старшее поколение играло важную социокультурную роль. Большинство общинных дел обдумывали старики, они же принимали окончательное решение. На сходах пожилым людям давали все полномочия, так как считалось, что они точно знают, как нужно поступать. Хотя некоторые обряды проводили молодые юноши, девушки, однако управляли ими старики или старухи, что свидетельствует об их руководстве ритуальной жизнью деревни [5, с. 6].

Резюмируя отметим, что положение различных возрастных слоев в каждом конкретном обществе неодинаково. Оно зависит от уровня социально-экономического развития (стадиальной атрибуции), режима функционирования и культуры. В исследуемый период было велико значение старшего поколения в сохранении традиционной культуры. Оно выступало связующим звеном между поколениями, осуществляя преемственность и передачу этнических традиций, лучших достижений народного культурного наследия. Богатый жизненный опыт позволял старикам знакомить членов семьи с устным народным творчеством, требованиями традиционного этикета внутрисемейных и внутриобщинных отношений, с народными праздниками и обрядами, а также передавать традиции народной медицины следующим поколениям.

В средневожской традиционной культуре существовало ядро ценностей, признаваемое общим для всех народов региона. Поэтому в качестве социальных норм традиции опирались на авторитет старших и на жизненный опыт многих поколений. Их защищала сила общественного мнения, выступающего в качестве хранителя норм и правил жизнедеятельности человека и народов Среднего Поволжья в целом.

Происходящая сегодня историческая смена социокультурной парадигмы старости – не частое явление. Представление о старости, складывающееся в каждой новой системе социокультурных ценностей, становится важным жизнерегулирующим фактором нескольких поколений. Культурно-исторические образы старости обладают преемственностью своего сакрального значения, что обуславливает в одних обществах особо почтенное к ней отношение, в других же, напротив, порождает пренебрежение к старости и к старшему поколению, а это заканчивается социально-нравственной деградацией таких обществ. Пренебрежение этим историческим опытом грозит народам Среднего Поволжья серьезными потерями и не только культурными.

Список литературы

1. Балашов В.А. Бытовая культура мордвы: традиции и современность. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. 256 с.
2. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2001. 192 с.
3. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2002. 416 с.
4. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. СПб., 2005. 688 с.
5. Мухранова Е.Н. Возраст как феномен культуры: автореф. дис. канд. культурологи: 24.00.01. СПб., 2006. 22 с.
6. Салмин А.К. Предводители обрядов у чувашей. Чебоксары, 1997. 79 с.
7. Соколов Я. В. Семья / Я.В. Соколов // Социально-политический журнал. 1994. № 1–2. С. 4–12.